

Л.Э. Лимонов

НИУ ВШЭ–Санкт-Петербург, АНО МЦСЭИ «Леонтьевский центр»,
Санкт-Петербург

М.В. Несена

НИУ ВШЭ–Санкт-Петербург, АНО МЦСЭИ «Леонтьевский центр»,
Санкт-Петербург

Диспаритет «больших» и «малых» городов России: сравнительный анализ показателей экономического развития и данных социальных обследований

Аннотация. В исследовании совокупность российских городов условно разделена по численности населения на две группы – «большие» и «малые» города – и проводится сравнительный анализ данных групп по широкому набору переменных. Основная гипотеза исследования связана с интуитивным предположением о диспаритете, который может быть виден не только через объективные показатели социально-экономического развития, но и на субъективных оценках социальных условий жителями данных групп городов. Компенсация данного диспаритета требует не только эффективных местных стратегий в «малых» городах, но и действенных мер государственной политики, обоснование которых должно опираться на положения экономической теории и результаты эмпирических исследований. В качестве исходных данных исследования выступили данные статистического портала «Мультистат» и данные четвертого и восьмого раундов Европейского социального обследования (ESS4 и ESS8) по России. Анализ опросов выявил различия и региональную вариацию субъективных оценок и ценностных ориентаций населения, а также статистически значимые различия отношения жителей «малых» и «больших» городов к роли государства в решении проблем социального неравенства и социальной защиты. Население «малых» городов в России активнее поддерживает концепцию государства всеобщего благосостояния.

Ключевые слова: *города, размер города, рост города, субъективное благополучие, субъективная оценка здоровья, благосостояние.*

Классификация JEL: R11, I31.

DOI: 10.31737/2221-2264-2019-44-4-6

Введение

В данном исследовании рассматривается диспаритет (или неравенство) городов, детерминированный их размером. Современная эпоха глобализации, распространение Интернета и быстрая смена технологий характеризуется усилением неравномерности социального и экономического развития территорий. Данная тенденция хорошо объясняется теорией агломерационных эффектов в рамках *новой экономической географии* (НЭГ), а также исследованиями социологов, например *теорией креативного класса* Р. Флориды. В России на фоне общего с 2000 г. незначительного изменения численности населения (несмотря на волны спада и роста) данный тренд проявляется в демографическом и экономическом росте крупнейших городов, экономическом упадке и сокращении численности населения большей части малых и средних городов.

Идея условного деления совокупности городов на две группы: «большие» города и «малые» города – пришла из «Европейского социального обследования», где респондентов спрашивают, как они могут определить место, в котором живут. У городского населения есть три возможности ответить на этот вопрос: «Большой город», «Пригород или окраина большого города» и «Небольшой город или поселок городского типа». Понятно, что граница между группами «больших» и «малых» городов (небольших городов или поселков городского типа) респондентами определяется субъективно. В данной работе, несмотря на сложившиеся традиции классификации городов по размеру, принятые градостроителями и географами, используется подход «Европейского социального обследования», но граница условного деления совокупности городов на большие и малые определяется на основе демографических и экономических показателей с применением статистических методов, в частности *регрессии разрыва*. Оценка регрессии разрыва с переменной результата «производительность труда в обрабатывающей промышленности» и ведущей переменной «численность населения городов» позволила провести границу между двумя выборками («больших» и «малых» городов) на уровне численности населения 250 тыс. человек. При данной границе соотношение городского населения групп «больших» городов и «малых» городов составляло в 2017 г. приблизительно 60 : 40.

С точки зрения принятой классификации в группу «малых» попадают города как малые (до 50 тыс.), так и средние (от 50 до 100 тыс.) и большие города (от 100 до 250 тыс.), а в группу «больших» – крупные (от 250 тыс. до 1 млн) и крупнейшие (более 1 млн человек). Далее проанализирован демографический и экономический рост по двум группам городов, различия между этими группами в уровне обеспеченности бюджетными ресурсами, а также различия субъективных оценок жителей больших и малых городов здоровья, благополучия, ценностей¹ и мнений их жителей о роли государства в решении проблем неравенства и социальной защиты. Исследование выполнено в программной среде *R* на основе данных статистического портала «Мультистат»² и базы данных муниципальных образований Росстата, а также данных четвертого и восьмого раундов «Европейского социального обследования» (ESS Round 4, 2008; ESS Round 8, 2016). В качестве аналитического инструмента использована регрессия разрыва; проверка гипотез о равенстве средних и дисперсий выполнена как в рамках классической, так и байесовской статистики. Для данных «Европейского социального обследования» использовались тесты сравнения взвешенных средних по группам с использованием весов дизайна выборки и постстратификационных весов.

Сопоставление результатов анализа объективных данных и субъективных оценок позволило сделать вывод о том, что большая доля «собственных доходов» «малых» городов (т.е. меньшая доля субвенций в их бюджетах) проявляется в более низких оценках населе-

¹ В данной работе ценности определяются в соответствии с методикой Ш. Шварца (Schwartz, 2003), используемой в «Европейском социальном обследовании».

² <http://www.multistat.ru/>.

нием субъективного благополучия и больших ожиданиях государственной поддержки населению.

1. Обзор литературы

Согласно модели «центр – периферия», разработанной еще в 1960-е годы выдающимся эконом-географом Джоном Фридманном (Fridmann, 1966), которая получила развитие и заняла центральное место в новой экономической географии (НЭГ) (Krugman, 1991; Fujita, Thisse, 2002), неравенство является неизбежным свойством социально-экономического развития территорий. Размеры внутреннего рынка и положительные агломерационные эффекты в условиях монополистической конкуренции ведут к концентрации труда и капитала в центре, усиливая его диспаритет с периферией, а нарастание отрицательных агломерационных эффектов ведет в моделях НЭГ к образованию новых центров внутри периферии, при сохранении и усилении различий между центром и периферией. Пространственное развитие с точки зрения НЭГ является несбалансированным, а сам по себе рыночный механизм не ведет к выравниванию территорий по уровню социально-экономического развития, что может рассматриваться в качестве теоретического обоснования необходимости активной региональной политики центральным правительством для сохранения единого экономического пространства страны и предотвращения социальных конфликтов в менее развитых регионах периферии. Теоретическая литература, развивая данный дуальный (центр – периферия) подход в рамках городской и региональной экономики, предлагает разнообразные модели трансформации структуры город – село, эволюции городов, формирования новых городов (Breinlich, Ottaviano, Temple, 2013). Большинство теоретических моделей позволяет обосновывать развитие крупных городов и агломераций, но не дает опоры для ответов на практические вопросы, связанные с развитием городов, находящихся на периферии. Одной из работ, рассматривающих развитие периферии, является теоретическая работа (Head, Mayer, 2004), в которой разработана модель НЭГ для нескольких стран (регионов) и отраслей (Региональная экономика..., 2017, т. 1, с. 287–292). В модели определяются условия точки бифуркации, при которой предприятия сначала одной, а потом и остальных отраслей переместятся из центра в одну из стран (или – в один из регионов) периферии. Эти выводы вполне можно применить и к системам городов. Однако условия ускоренного роста и изменения специализации нового центра, возникающего на периферии, а главное, причины, по которым рост начинается именно в этой точке периферии, в модели не определены и кажутся случайными. Ценным в этой работе является демонстрация невозможности одновременного развития всей периферии и в то же время доказательство неустойчивости сложившихся пространственных распределений. При нарастании негативных экстерналий в центре возможен перенос

мест приложения труда и формирование новых центров внутри существующей периферии.

Другой подход, основанный на учете различий между городами, предложил известный эконом-географ Майкл Сторпер (Storper, 2013). Автор различает города по присущему им набору специализаций, от которых зависят профессиональные навыки и квалификации работников, а также уровень их доходов. На основании этих различий Сторпер классифицирует города по принадлежности к клубам высокого, среднего и низкого уровней развития, считая, что приоритеты политик развития территорий зависят от принадлежности к тому или иному клубу. Нетрудно заметить, что данная классификация коррелирует с концепцией «центр – периферия». Стратегии города с низкими доходами, по мнению Сторпера, должны решить следующие задачи: «попасть в игру», определив свое первоначальное сравнительное преимущество и наладив транспортные и коммуникационные связи с целью использовать местные факторы производства в экономическом разделении труда. Именно развитие инфраструктуры внутри страны, по мнению Сторпера, может фундаментально изменить цены факторов производства, что скажется на изменении роли городов в разделении труда и размещении производства в соответствии с новыми условиями доступности рынков. Развитие городов с низкими доходами, по мнению автора, особенно зависит от экономической географии и сложившейся системы городов (Storper, 2013).

В России выполнялись исследования по городам, представляющие значительный научный интерес, в частности вопросов эволюции российской системы городов, факторов их роста, неравенству (Коломак, 2015, 2017; Зубаревич, Сафронов, 2013), а также конвергенции городов по уровню заработных плат (Ivanova, 2015). Однако нам представляется интересным сравнительное исследование городов в зависимости от их размера – эмпирически проверить наличие значимого диспаритета между «большими» городами (центрами) и «малыми» (периферией). Анализ экономических аспектов предполагаемого диспаритета, а также различий субъективных оценок и мнений населения этих групп городов позволит, по нашему мнению, внести вклад в разработку темы развития периферии, проблемы которой в последнее время привлекают внимание исследователей (Kinossian, 2018).

2. Города «большие» и города «малые»

Для оценки границы, – какой город считать «большим», а какой «малым», – авторы применили регрессию разрыва. Формально это – оценочный дизайн, предполагающий наличие правила, относящего индивидов популяции к группе участников или не участников какой-либо интервенции (Angrist, 2015). На основе данного дизайна оценивается воздействие рассматриваемой интервенции на переменную результата. На первом шаге в нашем исследовании использовался

дизайн множественных разрывов, в рамках которого ведущей переменной, определяющей группы городов, являлся их размер – численность постоянного населения, а переменными результата – производительность труда в обрабатывающей промышленности и номинальная заработная плата работников.

В табл. 1 представлены результаты оценки регрессии с множественными разрывами в некоторых точках на данных 2005 г.³ для переменной результата – производительность обрабатывающей промышленности. Результаты показывают статистически значимый разрыв по численности населения в точке 250 тыс. человек – производительность труда обрабатывающей промышленности резко падает на 0,520 логарифмических единиц.

Таблица 1

Результаты оценки регрессии с множественными разрывами

Отметка разрыва численности населения города, человек	Коэффициент	P-value	95%-ный доверительный интервал	
50 000	0,064	0,707	-0,323	0,476
100 000	-0,013	0,959	-0,474	0,5
150 000	0,173	0,44	-0,342	0,786
200 000	0,176	0,277	-0,184	0,643
250 000	-0,520	0,042	-1,115	-0,02
300 000	0,026	0,945	-0,629	0,675
350 000	0,265	0,496	-0,449	0,926

Примечание. Ведущая переменная – логарифм размера города; переменная результата – логарифм производительности труда в обрабатывающей промышленности. На отметке 250 тыс. человек наблюдается статистически значимое снижение производительности труда в обрабатывающей промышленности.

Источник: расчеты авторов.

График регрессии разрыва (рис. 1) показывает, что в точке разрыва (250 тыс. человек) производительность труда в обрабатывающей промышленности в среднем снижается. Можно предположить, что в городах с населением выше 250 тыс. жителей обрабатывающая промышленность теряет свое ведущее значение, иными словами, для данных городов приобретает большее значение сфера услуг и диверсификация экономики⁴.

В отличие от производительности труда в обрабатывающей промышленности оценка регрессии множественных разрывов с зависимой переменной – среднемесячная заработная плата, – не показала статистически значимых результатов. На рис. 2 показан график с точкой разрыва в 250 тыс. человек.

Согласно графику зависимость может быть линейной, а разрыв в точке 250 тыс. человек оказывается ложным, т.е. статистически

³ В базе данных «Мультистат» данные по обрабатывающей промышленности представлены с 2005 по 2013 г. Данные за 2005 г. являются наиболее полными и наиболее четко демонстрируют регрессию разрыва, хотя эта статистическая значимость данного разрыва сохраняется на всем временном промежутке.

⁴ Данное предположение требует дополнительного исследования.

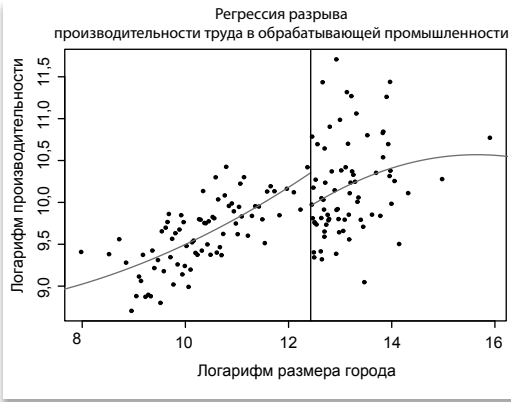

Рис. 1

Регрессия разрыва производительности труда в обрабатывающей промышленности

Примечание. Здесь и далее на графике вертикальной линией отмечен разрыв на отметке численности населения города – 250 тыс. человек.

Рис. 2

Регрессия разрыва заработной платы в 2013 г.

незначимым. Регрессия зависимости логарифма заработной платы от логарифма численности населения города показывает, что изменение размера населения города на 10% ассоциировано с ростом среднемесячной заработной платы на 1,15% (табл. 2)⁵. Статистическая значимость данной зависимости вносит вклад в предположение о численности населения городов в 250 тыс. человек как о границе, свыше которой важное значение для города приобретает не специализация в отраслях обрабатывающей промышленности, а диверсификация экономики. При этом необходимо учесть, что большая часть городов с размером населения свыше 250 тыс. человек являются административными центрами регионов. Они имеют особый статус и функции, подразумевающие преференции в финансировании и значительную долю государственных услуг в экономике. В группе малых городов доля региональных центров незначительна (18 из 1034).

Обратимся к данным демографической статистики: в 2017 г. в городах с населением менее 250 тыс. человек проживали 40,8 млн человек, или 40,0% городского

Таблица 2

Результаты оценки регрессии $\log(Wage_i) = \alpha + \beta \log(City Size_i) + \varepsilon_i$

Независимые переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	P-value
Константа	4,256	0,121	<2e-16
Логарифм размера города	0,115	0,011	<2e-16

населения России. Из 1112 российских городов таких городов 1034. Согласно данным (World Urbanization Prospects..., 2018; United Nations, Department of Economics..., 2018) при неуклонном росте доли городского

⁵ Между переменными существует корреляционная связь, т.е. не только агломерационные эффекты, зависящие от размера города, способствуют более высокой заработной плате, но и города, в которых заработная плата выше, в свою очередь, привлекают новых жителей. Однако в данном исследовании этот вопрос не обсуждается.

населения в РФ (до 80% к 2050 г.) доля населения в городах с населением менее 300 тыс. жителей будет продолжать падать, демонстрируя сокращение на 20% с 1955 до 2035 г. (рис. 3).

Большая часть «малых» городов (рис. 4) расположена в европейской части России в благоприятных климатических зонах и находится относительно близко друг к другу, а также к крупным центрам, что создает определенные предпосылки для развития агломераций. «Малые» города Севера, Сибири и Дальнего Востока расположены в зонах с неблагоприятным климатом и значительно удалены друг от друга и от других городских центров. Это различие позволяет выдвинуть гипотезу о региональной вариативности внутри рассматриваемых

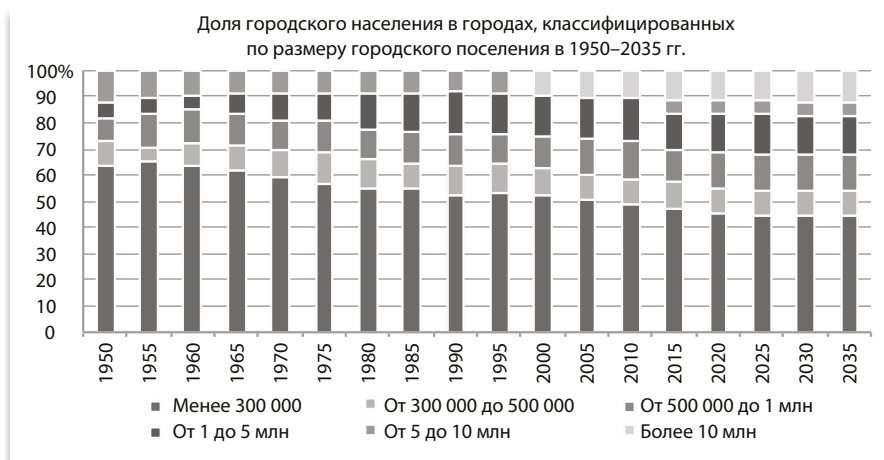

Рис. 3

Данные ООН о доли городского населения в России по типам городов, 1950–2035 гг.

Источник: United Nations, Department of Economic..., 2018; World Urbanization Prospects..., 2018.

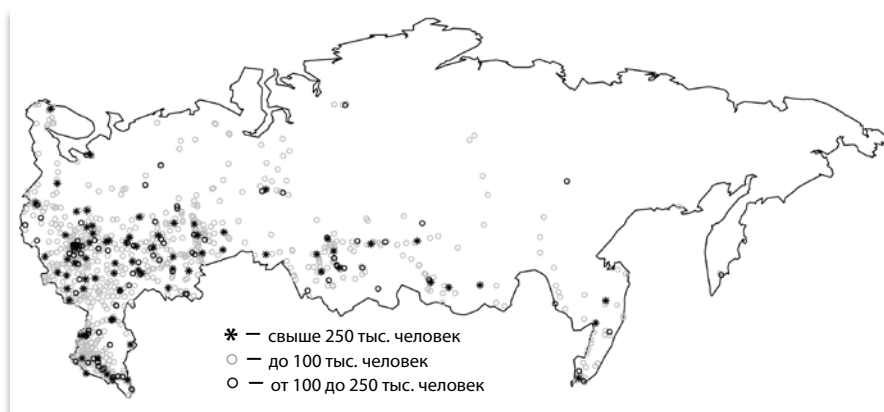

Рис. 4

Расположение на карте РФ «больших» и «малых» городов, а также городов с населением от 100 до 250 тыс. человек

Источник: составлено авторами в программной среде R с помощью пакета “maps”.

групп городов, в том числе и по субъективным оценкам социальных условий. Проанализируем далее особенности демографического и экономического роста двух рассматриваемых групп городов.

3. Анализ данных статистического портала «Мультистат»

В экономической теории города (Urban Economics) принято различать демографический и экономический рост городов (Glaeser, Sheinkman, Shleifer, 1995). Анализ тенденций демографического роста городов (рис. 5) показывает дивергенцию городов по численности населения, т.е. в среднем более крупный город демонстрирует также и больший рост населения. Однако внутри рассматриваемых групп есть города, демонстрирующие рост выше среднего. Примечательно, что большинство таких городов находятся в национальных республиках, среди них Назрань, Махачкала, Геленджик, Ханты-Мансийск и др.

Регрессия разрыва прироста заработной платы (рис. 6) позволила выявить интересную тенденцию: мы можем ожидать в среднем положительную зависимость экономического роста от размера города только в городах с населением более 250 тыс. человек. В группе «малых» городов прослеживается в среднем обратная зависимость, которая может объясняться вкладом городов, которые находятся в агломерациях или специализируются на отраслях, связанных с добычей и переработкой топливно-энергетических ресурсов и других полезных ископаемых. Помимо выявленных зависимостей важно отметить большие различия городов внутри выявленных двух групп, особенно внутри группы «малых» городов. Поэтому к выводу о том, что в среднем, чем меньше город, тем выше прирост заработной платы, следует относиться осторожно. Так, мы наблюдаем несколько типов «малых» городов с различной специализацией и динамикой развития, что необходимо принимать во внимание при разработке мер государственной политики.

Анализ трендов экономического роста по группам «больших» и «малых» городов показывает, что с 2005 по 2013 г. в обеих группах наблюдается конвергенция уровней заработной платы, причем с почти одинаковыми параметрами (рис. 7). Эти результаты согласуются с исследованиями, выполненными ранее российскими исследователями (Ivanova, 2015).

Сопоставление графиков на рис. 6 и 7 позволяет предположить, что экономический рост ассоциируется с демографическим ростом только у группы «больших» городов. Для «малых» городов источником экономического роста является удачная специализация, причем необязательно связанная с ростом населения.

Рис. 5

Регрессия разрыва демографического роста городов, 2005–2013 гг.

Рис. 6.

Регрессия разрыва прироста заработной платы, долл. США, 2005–2013 гг.

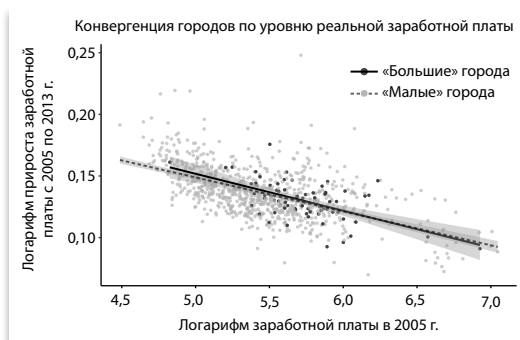

Рис. 7

Конвергенция в группах «больших» и «малых» городов по заработной плате, 2005–2013 гг.

Необходимо отметить, что при активных процессах дивергенции городов по показателю численности населения примерно 50% выборки «больших» городов не могут сопротивляться тенденции сокращения численности населения. В группе «малых» городов устойчивость демографии (т.е. численности населения) показывает приблизительно 25% – 265 из 1034 городов. В качестве факторов такой устойчивости численности населения в «малых» городах можно предположить:

- принадлежность к агломерациям;
- рост за счет процесса урбанизации в национальных республиках;
- успешную стратегию и экономическую политику, способствующие как реиндустриализации, так и постиндустриальным специализациям в сферах туризма, НИОКР, международной торговли и приграничного сотрудничества.

Для того чтобы проанализировать устойчивость городов рассматриваемых групп, перейдем к анализу бюджетной обеспеченности городов по данным статистики муниципальных образований Росстата.

4. Анализ данных статистики муниципальных образований

На рис. 8 представлена регрессия разрыва объема бюджетных расходов на душу населения. График показывает большую вариацию расходов бюджетов на душу населения в группе «малых» городов. При общем тренде положительной зависимости бюджетных расходов на душу населения от размера города (табл. 3), в точке разрыва 250 тыс. человек, бюджетные расходы на душу населения в среднем увеличиваются сразу на 0,6 логарифмических единиц (табл. 4), демонстрируя статистически значимый разрыв.

Рис. 8

Регрессия разрыва объема расходов бюджетов на душу населения в 2013 г.

Таблица 3

Результаты оценки регрессии $\log(\text{Exp}_{pci}) = \alpha + \beta(\text{CitySize}_i) + \varepsilon_i$

Независимые переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	P-value
Константа	0,858	0,288	0,003
Логарифм размера города	0,168	0,027	1,19e-09

Таблица 4

Результаты оценки регрессии с множественными разрывами, 2013 г.

Отметка разрыва численности населения города, человек	Коэффициент	P-value	95 %-ный доверительный интервал	
50 000	0,118	0,453	-0,277	0,621
100 000	0,22	0,291	-0,192	0,641
150 000	-0,15	0,423	-0,805	0,338
200 000	-0,247	0,301	-0,803	0,249
250 000	0,601	0,014	0,141	1,264
300 000	0,165	0,446	-0,376	0,855
1 000 000	-0,195	0,452	-1,176	0,524

Примечание. Ведущая переменная – логарифм размера города; переменная результата – прирост среднемесячной заработной платы. (Выделена строка со статистически значимым разрывом в точке 250 тыс. человек.)

Источник: расчеты авторов по данным муниципальной статистики Росстата.

Рис. 9.

Регрессия разрыва доли собственных доходов в бюджетах городов, 2013 г.

На рис. 9 представлена регрессия разрыва доли собственных доходов бюджетов. График показывает, что в группе малых городов выделяется заметная когорта городов, бюджеты которых почти на 100% формируются за счет собственных средств⁶.

Для сравнения средних значений показателей по группам городов воспользуемся возможностями байесовской статистики. Применение байесовской статистики является одним из возможных путей анализа данных, распределение которых не обязательно

подчиняется нормальному закону. Результаты тестирования гипотез Н1 (о равенстве средних) и Н2 (о неравенстве средних) с соответствующей оценкой байесовского фактора и байесовского доверительного интервала представлены на рис. 10–13.

⁶ Согласно Бюджетному кодексу РФ к собственным доходам бюджета муниципальных образований (МО) относятся налоговые и неналоговые доходы МО, а также субсидии и другие трансферты вышестоящего уровня, за исключением субвенций.

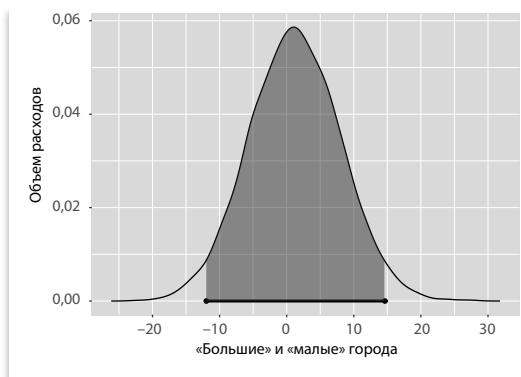

Рис. 10

Объем расходов бюджетов на душу населения, тыс. руб. (коэффициент Байеса [Н1:Н2] = 10,103; байесовский 95 %-ный доверительный интервал: (-11,8736, 13,7817))

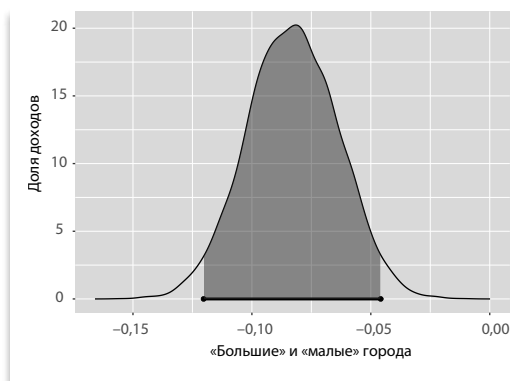

Рис. 11

Доля собственных доходов бюджета (коэффициент Байеса [Н2:Н1] = 1399,438; байесовский 95 %-ный доверительный интервал: (-0,12, -0,0465))

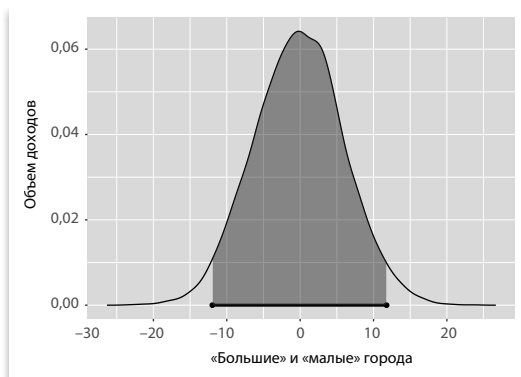

Рис. 12

Объем собственных доходов бюджетов на душу населения, тыс. руб. (коэффициент Байеса [Н1:Н2] = 10,2617, байесовский 95 %-ный доверительный интервал: (-11,9719; 11,7741))

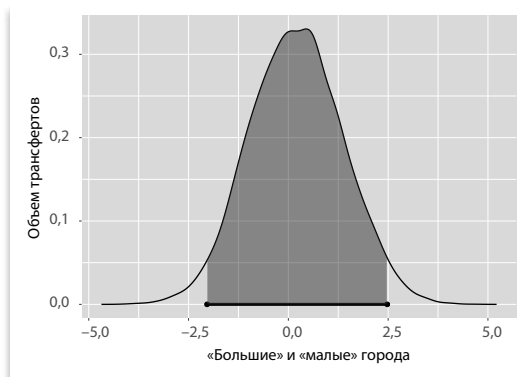

Рис. 13

Объем трансфертов (субвенций) на душу населения, тыс. руб. (коэффициент Байеса [Н1:Н2] = 10,092, байесовский 95 %-ный доверительный интервал: (-2,026; 2,479))

Результаты показывают предельно сильное подтверждение гипотезы о различии в средних по доле собственных доходов бюджетов — с 95%-ной вероятностью доля собственных доходов бюджета в больших городах ниже, чем в малых городах, — в границах от 12 до 4,65% (см. рис. 11). По остальным показателям наблюдается сильное подтверждение гипотезы о равенстве средних по группам (см. рис. 10, 12, 13).

При этом непараметрический критерий Муда отвергает гипотезу о совпадении дисперсий на уровне значимости 1% для всех показателей. Это означает, что при видимом равенстве средних расходов бюджетов на душу населения по группам «больших» и «малых» городов успешные «малые» города компенсируют результаты большей части

(более 60%) «малых» городов, показатели бюджетов которых находятся ниже среднего уровня по совокупности. В группе «больших» городов – Москва, Санкт-Петербург, Сургут, Нижневартовск – также улучшают средние по группе показатели, хотя для 75% городов этой группы соответствующие показатели имеют значения ниже среднего. В целом бюджеты «малых» городов в большей степени формируются за счет собственных средств. Это позволяет, с одной стороны, предположить, что устойчивость данных городов главным образом зависит от успешности их специализации. С другой стороны, это позволяет сделать вывод, что в России наблюдается недофинансирование в большей мере «малых» городов, чем больших. Далее рассмотрим, как данная ситуация отражается на субъективных оценках и мнениях жителей о социальных условиях в рассматриваемых группах городов. Для этого в следующем разделе проанализируем данные «Европейского социального обследования» по подвыборкам респондентов из «больших» и «малых» городов.

5. Анализ данных Европейского социального обследования

В данном разделе проводится оценка различий «больших» и «малых» городов по переменным, которые представляют собой субъективные оценки респондентов «Европейского социального обследования». Для учета местоположения города и соответствующих факторов климата и доступности оценки агрегированы по регионам – федеральным округам – для восьмого раунда ESS и по экономическим районам – для четвертого раунда. Необходимо сделать ремарку, что региональные оценки содержат смещение, поскольку согласно дизайну выборки обследование репрезентативно на уровне Российской Федерации, оно стратифицировано, но не репрезентативно по регионам (федеральным округам). Поэтому интерпретация количественных оценок, по мнению авторов, должна проводиться аккуратно: некорректно рассматривать абсолютные значения оценок по регионам, но допустимо сравнивать их друг с другом (при гипотезе об одинаковом смещении выборок).

Необходимо также сделать ремарку относительно выбора теста для сравнения средних по группам. С одной стороны, рассматриваемые переменные имеют порядковое измерение, поэтому к ним может применяться правило: если шкала имеет пять и более уровней, то результаты можно анализировать как интервальные измерения. Поэтому одним из критериев, примененных в исследовании к анализу данных «Европейского социального обследования», является *t*-критерий. С другой стороны, поскольку не все статистики разделяют мнение о возможности анализа переменных, имеющих порядковое измерение в качестве количественных, для анализа был также использован критерий Манна–Уитни, являющийся непараметрическим аналогом *t*-критерия, который можно применять к категориальным переменным. Оба критерия применялись с учетом весов, оцененных в ходе проведения «Европейского социального обследования».

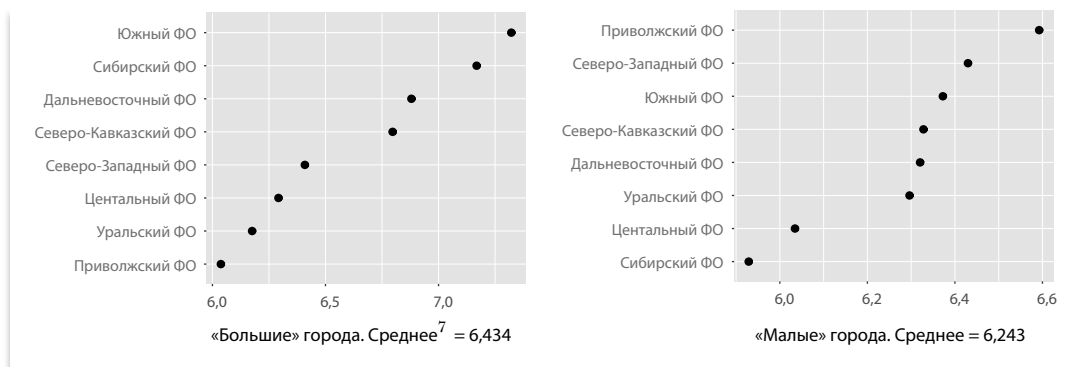

Рис. 14

Оценка субъективного благополучия

Источник: расчеты авторов по данным «Европейского социального обследования».

Оценка субъективного благополучия в «Европейском социальном обследовании» основана на ответе на вопрос «Учитывая все стороны Вашей жизни, насколько Вы счастливы?». Шкала для измерения от 0 до 10, от «Очень несчастлив» до «Очень счастлив». Тест на сравнение средних по группам показал статистически значимое различие: в России в «больших» городах в среднем люди более счастливы, чем в «малых» (рис. 14). Особенно четко различие прослеживается для городов Сибирского ФО: оценки субъективного благополучия в «малых» городах региона – самые низкие по стране, в то время как большие сибирские города имеют одни из самых высоких по стране показателей уровня счастья. Противоположные результаты получены в Приволжском ФО, где уровень субъективного благополучия в «больших» городах имеет низкие оценки, а в «малых» городах – самые высокие по стране. Необходимо отметить также особенно высокие показатели уровня счастья в «больших» городах Южного ФО. В качестве гипотезы можно предположить, что в Сибири большие города предлагают существенно более высокое качество жизни, чем малые. То же касается и Южного ФО, хотя благоприятные природно-климатические условия отражаются в достаточно высоком уровне субъективного благополучия и жителей «малых» городов. Тот факт, что в Приволжском ФО уровень субъективного благополучия жителей «больших» городов оказывается существенно ниже, чем у жителей «малых» городов, многое говорит о качестве градостроительной политики и городском благоустройстве этих городов. Видимо, качество городской среды и инфраструктуры должно стать в ближайшие годы приоритетом местной политики ряда «больших» городов Приволжья.

Субъективная оценка здоровья в «Европейском социальном обследовании» представляет собой ответы на вопрос «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья в целом?». Шкала измерения переменной: 1 – «Очень хорошее», 2 – «Хорошее», 3 – «Среднее», 4 – «Плохое»

и 5 — «Очень плохое». В среднем различия оценок по «большим» и «малым» городам статистически незначимы, но наблюдается региональная дифференциация: жители городов Юга России показывают наиболее высокие субъективные оценки здоровья, в то время как оценки жителей городов Урала и «малых» городов Центрального и Северо-Западного ФО оказываются на уровне ниже среднего по соответствующим группам городов (рис. 15).

Субъективная оценка уровня безработицы в «Европейском социальном обследовании» представляет собой ответ на вопрос «Сколько человек из каждых 100 трудоспособного возраста в России являются, на ваш взгляд, безработными и ищут работу?». Согласно шкале измерения средняя оценка по России — на уровне 20–24%; а различие по группам городов статистически незначимо (рис. 16). Более высокие оценки —

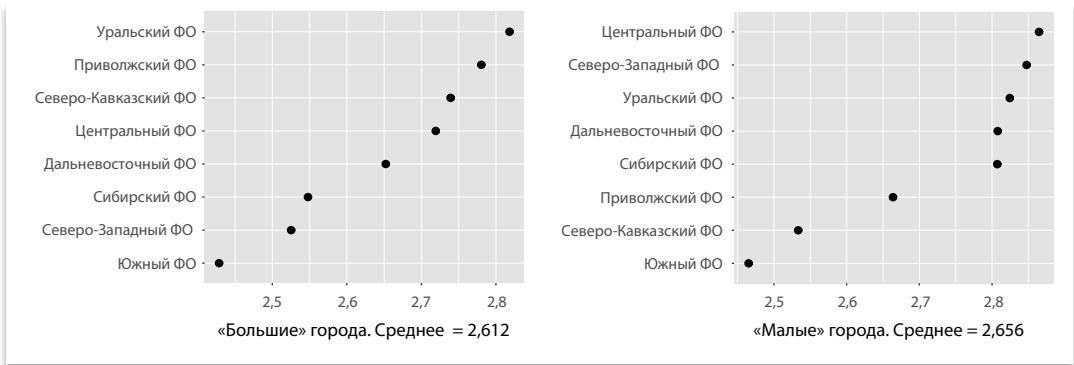

Рис. 15

Субъективная оценка здоровья (p -value параметрического критерия (t -тест) = 0,233;
 p -value теста Манна–Уитни = 0,348)

Источник: расчеты авторов по данным «Европейского социального обследования».

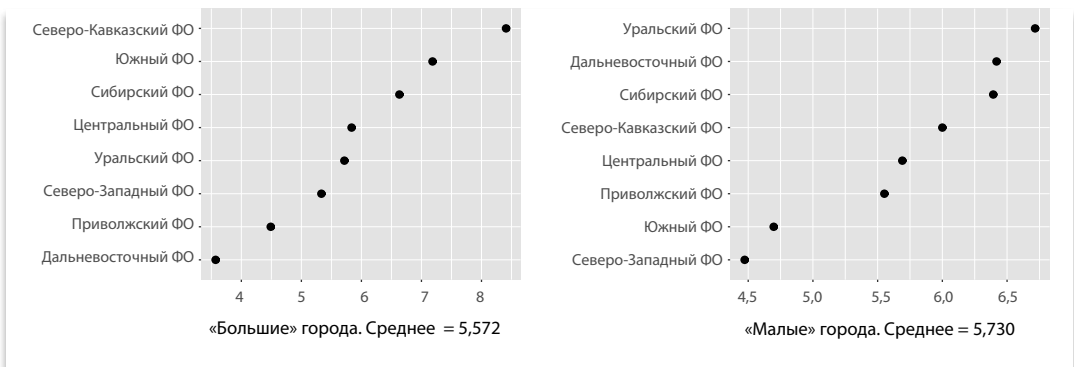

Рис. 16

Субъективная оценка уровня безработицы (p -value параметрического критерия (t -тест) = 0,312;
 p -value теста Манна–Уитни = 0,416)

Источник: расчеты авторов по данным «Европейского социального обследования».

⁷ Здесь и далее (рис. 14–24) средние значения показателей по группам городов рассчитаны с учетом весов респондентов в выборке.

более 30% — наблюдаются в «больших» городах Северо-Кавказского ФО и «малых» городах Уральского ФО.

Оценка социального доверия в «Европейском социальном обследовании» проводится на основе ответов на вопросы «Вы считаете, что большинству людей можно доверять, или вы склоняетесь к мнению, что излишняя осторожность в отношениях с людьми не мешает?», «Как вы думаете, большинство людей постарались бы вас использовать, если бы им представилась такая возможность, или же, на ваш взгляд, люди постараются вести себя с вами честно?», «По вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать друг другу или они чаще всего заботятся о себе?». Все вопросы имеют одну шкалу измерения от 0, соответствующего низкому социальному доверию, до 10 — максимальному уровню социального доверия.

При отсутствии в среднем различий по большим и малым городам региональная вариация показывает особенно высокое социальное доверие в больших городах Южного ФО и малых городах Северо-Запада, Северного Кавказа и Южного ФО, а особенно низкое социальное доверие в малых городах Дальневосточного ФО и больших городах Северного Кавказа (рис. 17). Причины вариации социального доверия по макрорегионам и размеру городов требует дополнительных исследований. В частности, можно предположить, что социальное доверие играет большую роль в малых городах с постоянным населением и традиционным укладом жизни (например, на Северном Кавказе) и меньшую роль — в городах с более гетерогенным населением, сформированным путем миграции (малые города Дальнего Востока, большие города Северного Кавказа).

В «Европейском социальном обследовании» респондентам в каждом районе задается еще два вопроса — о привязанности к стране проживания и к Европе в целом: «Насколько сильно вы эмоционально

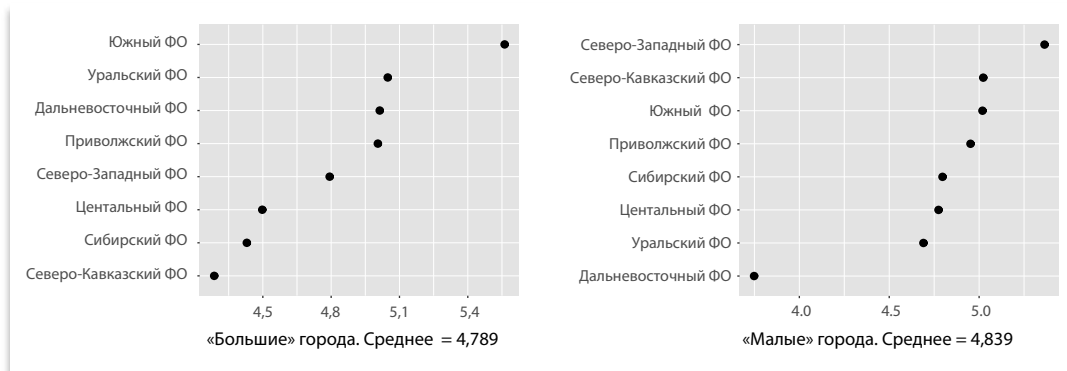

Рис. 17

Оценка социального доверия (p -value параметрического критерия (t -тест) = 0,574; p -value теста Манна–Уитни = 0,372)

Источник: расчеты авторов по данным «Европейского социального обследования».

привязаны к России?» и «А насколько сильно вы эмоционально привязаны к Европе?». Шкала измерения переменных от 0 – «Вообще не чувствую эмоциональной привязанности» до 10 – «Чувствую очень сильную эмоциональную привязанность». Естественно ожидать, что средние значения эмоциональной привязанности к стране выше, чем к Европе, но нас интересует различие средних по группам, которое показывает статистически значимое различие по обоим показателям. В России жители малых городов больше жителей больших городов эмоционально привязаны к стране (рис. 18); особенно ярко эта привязанность проявляется у жителей малых городов Уральского ФО.

При относительно невысокой эмоциональной связи с Европой в среднем по выборкам (рис. 19) она статистически значимо выше в больших городах, особенно в Северо-Западном и Уральском федеральном округах.

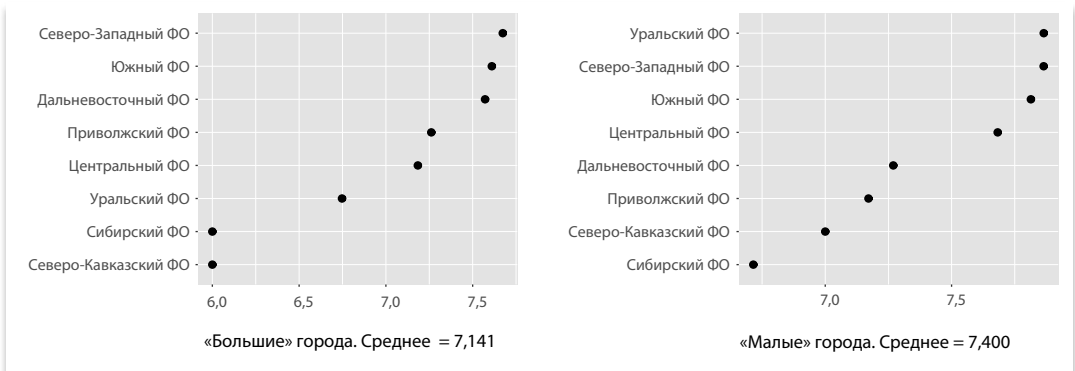

Рис.18

Оценка эмоциональной связи со страной (p -value параметрического критерия (t -тест) = 0,026; p -value теста Манна–Уитни = 0,008)

Источник: расчеты авторов по данным «Европейского социального обследования».

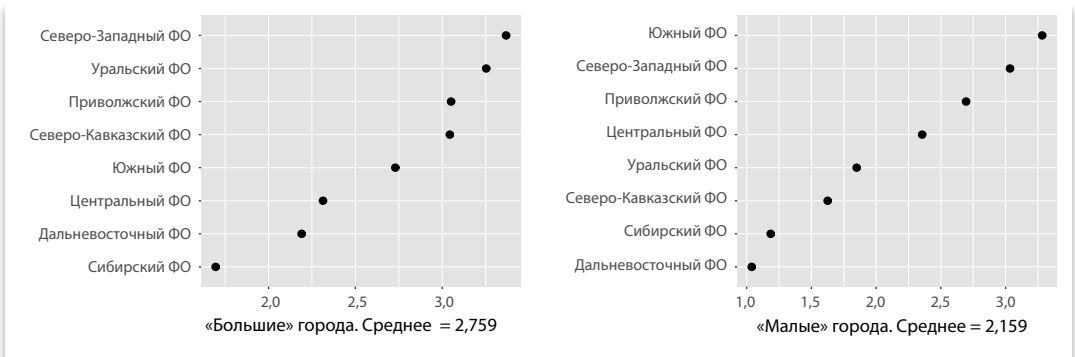
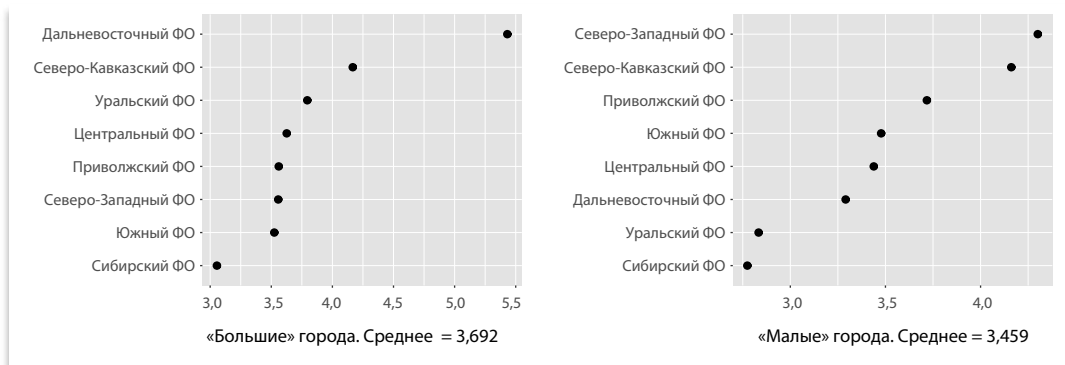

Рис. 19

Оценка эмоциональной связи с Европой (p -value параметрического критерия (t -тест) = 8,749e-08; p -value теста Манна–Уитни < 0,001)

Источник: расчеты авторов по данным «Европейского социального обследования».

Рис. 20

Социальная установка по отношению к иммигрантам (p -value параметрического критерия (t -тест) = 0,018; p -value теста Манна–Уитни = 0,020)

Источник: расчеты авторов по данным «Европейского социального обследования».

В «Европейском социальном обследовании» в каждом раунде респондентам также задают вопросы, нацеленные на измерение социальной установки в отношении иммигрантов: «Как вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в Россию, в целом плохо или хорошо сказывается на экономике России?», «Как вы считаете, приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру России?» и «Как вы считаете, с притоком людей из других стран Россия как место для жизни становится лучше или хуже?». Ответы на эти вопросы имеют измерение от 0 – «Плохо» и «Хуже» до 10 – «Хорошо» и «Лучше». На рис. 20 представлены результаты усреднения ответов респондентов по данным трем вопросам. При невысоком среднем по выборкам статистика теста показывает статистически значимое различие на уровне 5%: в целом в больших городах социальная установка отношения к мигрантам более благоприятная, исключение составляют города Сибири, при этом в малых городах Сибири и Урала можно также ожидать менее благоприятное отношение к мигрантам.

Следующим рассматриваемым показателем является измерение ответа на вопрос «Насколько вы согласны или не согласны с тем, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми?». Ответы даются по шкале от 1 – «Полностью согласен» до 5 – «Совершенно не согласен». Региональная вариация результатов усреднения по выборкам представлена на рис. 21.

В целом в России люди согласны с тем, что правительство должно применять меры по снижению неравенства по доходам, особенно в больших городах Северо-Запада и Северного Кавказа, малых городах Приволжья, Сибири и центра европейской части России. Со стороны жителей малых городов в среднем поддержка этого мнения выше.

Следующий рассматриваемый показатель является усредненной оценкой ответов на вопросы четвертого раунда «Европейского социального обследования» 2008 г. об ответственности государства перед социально уязвимыми группами населения: «Оцените, в какой мере государство должно участвовать в выполнении каждой из указанных ниже задач по шкале от 0 до 10. «0» будет означать, что вы вообще не считаете это задачей государства, а «10» — что вы считаете это всецело задачей государства:

- обеспечение работой каждого, кто хочет работать;
- обеспечение квалифицированной медицинской помощи тем, кто в ней нуждается;
- обеспечение достойного уровня жизни людям в старости;
- обеспечение достойного уровня жизни безработным;
- обеспечение ухода за детьми работающих родителей;
- предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены временно ухаживать за заболевшими членами семьи».

Результаты оценок по регионам РФ представлены на рис. 22.

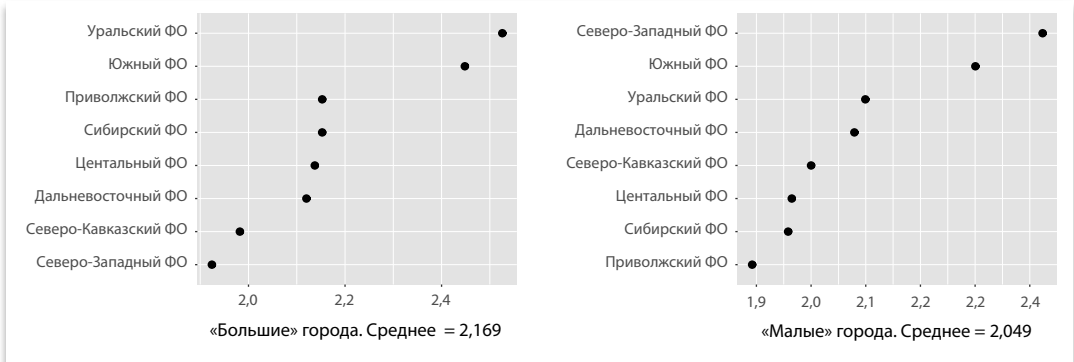

Рис. 21

Согласие с мнением, что правительство должно снижать неравенство по доходам (p -value параметрического критерия (t -тест) = 0,011; p -value теста Манна–Уитни = 0,013)

Источник: расчеты авторов по данным «Европейского социального обследования».

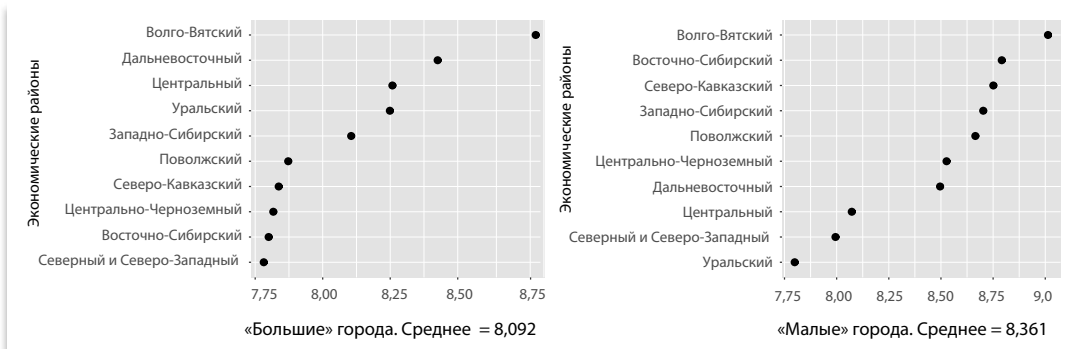

Рис. 22

Отношение к ответственности государства перед социально уязвимыми группами населения (p -value параметрического критерия (t -тест) = 1,043e-03; p -value теста Манна–Уитни = 0,046)

Источник: расчеты авторов по данным «Европейского социального обследования».

Результаты показывают, что при высоких в целом средних оценках по обеим группам жители «малых» городов в большей степени поддерживают мнение об ответственности государства перед социально уязвимыми группами населения. Независимо от места проживания лидерами данной поддержки выступают жители Волго-Вятского экономического района.

В каждом раунде «Европейского социального обследования» можно провести оценку ценностей жителей каждой страны-участника, данными которой выступают ответы на 21 вопрос опросника, теорию и шкалу которого разработал выдающийся израильский ученый-психолог Ш. Шварц⁸. Согласно его методике⁹ результаты опроса необходимо классифицировать по десяти категориям — согласно базовым психосоциологическим мотивациям респондентов (такими как «достижение», «конформность», «традиция» и др.) (табл. 5).

Результаты оценки ценностей (см. табл. 5) показывают, что «безопасность» является самой важной ценностью для жителей российских городов и статистически значимого различия между жителями больших и малых городов по данной ценности не наблюдается. Результаты сравнения по группам показывают статистически значимые различия по ценностным ориентациям «достижение», «традиция» и «конформность» — жители больших городов больше ориентированы на «дости-

Таблица 5

Оценка ценностных ориентаций по Ш. Шварцу¹⁰

Категория	«Большие» города	«Малые» города	p-value параметрического теста (t-test)	p-value теста Манна–Уитни
Благожелательность	0,287	0,331	0,242	0,158
Универсализм	0,280	0,324	0,188	0,115
Самостоятельность	0,106	0,094	0,770	0,510
Стимуляция	-0,647	-0,737	0,104	0,109
Гедонизм	-0,316	-0,355	0,440	0,251
Достижение	-0,075	-0,192	0,009	0,026
Власть	-0,197	-0,230	0,452	0,398
Конформность	-0,220	-0,149	0,136	0,096
Традиция	0,135	0,223	0,052	0,037
Безопасность	0,507	0,529	0,618	0,579

Примечание. В таблице выделены строки с категориями, по которым получены статистически значимые результаты о наблюдаемых различиях ценностных ориентаций жителей «больших» и «малых» городов.

Источник: расчеты авторов по данным «Европейского социального обследования».

⁸ https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_overview.pdf.

⁹ См. https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_computing_human_values_scale.pdf.

¹⁰ К данным «Европейского социального обследования» дополнительно были применены ключи, позволяющие представить оценки в прямом порядке зависимости, когда большее значение оценки соответствует большей ценности для респондентов.

жение личного успеха в рамках разделяемых культурных стандартов и вследствие этого – получение социального одобрения», в то время как жители малых городов больше ценят «уважение и поддержание обычаев, порядка, принятие и признание идей, существующих в определенной культуре или религии» (Schwartz, 1992, 1994, 2003).

Рассмотрим региональную вариацию оценок, полученных согласно теории Ш. Шварца по ценностному конструкту социальной направленности «самопревосхождение» (self-transcendence): «благожелательность» и «универсализм», которые получили наибольшие оценки, наряду с «безопасностью». Мотивационная цель «благожелательности» направлена на поддержание и повышение благополучия людей, которые находятся в ближнем окружении человека; «универсализма» – на понимание, благодарность, терпимость и поддержание благополучия всех людей и окружающей среды (Schwartz, 1992, 1994, 2003). На рис. 23–24 представлены результаты оценок данных ценностных ориентаций по регионам.

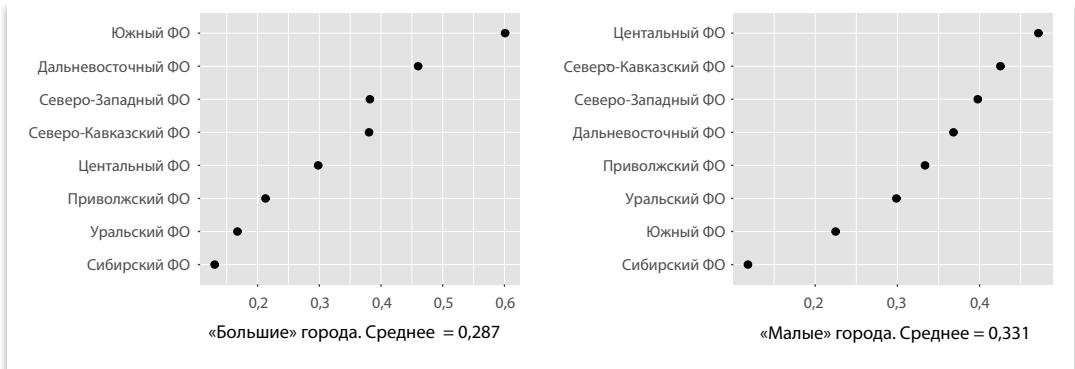

Рис. 23

Оценка ценностной ориентации «благожелательность» (p -value параметрического критерия (t -тест) = 0,242; p -value теста Манна–Уитни = 0,158)

Источник: расчеты авторов по данным «Европейского социального обследования».

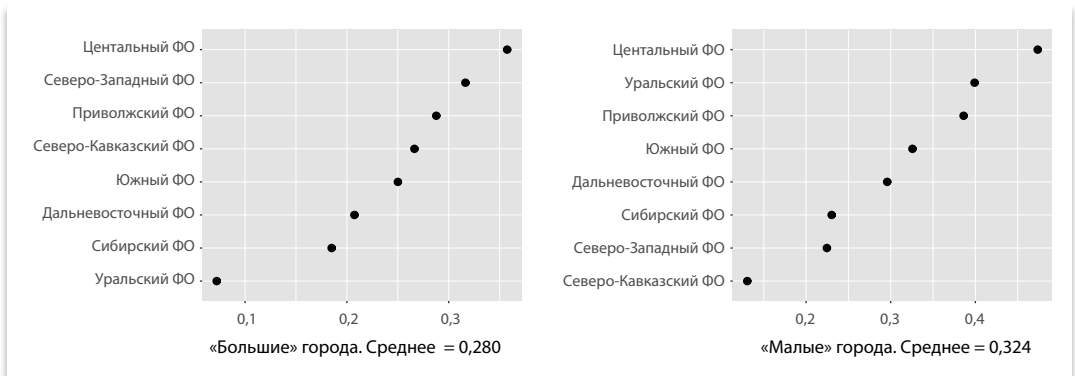

Рис. 24

Оценка ценностной ориентации «универсализм» (p -value параметрического критерия (t -тест) = 0,188; p -value теста Манна–Уитни = 0,115)

Источник: расчеты авторов по данным «Европейского социального обследования».

В целом средние значения для ценностей «благожелательность» и «универсализм» выше в группе малых городов при статистически незначимом различии. Однако для ценности «благожелательность» города обеих групп Сибири имеют одинаково низкие оценки, а большие города Юга России и малые города центра европейской части России и Северного Кавказа демонстрируют самые высокие оценки (см. рис. 23). Для ценности «универсализм» низкие оценки получены в больших городах Урала и малых городах Северного Кавказа, а высокие – по Центральному ФО (рис. 24).

Заключение

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. была утверждена «*Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года*», разработка и обсуждение которой продолжались несколько лет. В Стратегии впервые вводится в правовое поле понятие «агломерация», развитию которого в России в этом документе уделяется первостепенное значение. Стратегия также содержит упоминания о системе расселения и преобладающей доле малых и средних городов в этой системе. Однако вопросы повышения жизнестойкости малых городов и их перспективы в свете реализации предлагаемой Стратегии остаются в данном документе, с нашей точки зрения, недостаточно проясненными.

Как показало наше исследование, к малым и средним городам России, не входящим в агломерации – зоны влияния крупных и крупнейших городов, – не может быть единого подхода. Жизнестойкость демонстрируют города, специализирующиеся на добыче и переработке углеводородов и других полезных ископаемых, города, успешно прошедшие реиндустриализацию в силу своего географического положения, человеческого капитала и эффективной политики местных властей, а также города, обладающие потенциалом постиндустриального развития (например, в сфере туризма). Однако большая часть малых и средних городов России не подпадает под эти категории и стратегии их выживания и развития остаются неопределенными.

Исследование выявило принципиальное различие в динамике экономического развития между городами с населением до и более 250 тыс. жителей. Причем внутри группы «малых» городов выявлены следующие зависимости: чем меньше город, тем выше в среднем темп роста заработной платы в нем и тем ниже темпы роста населения. По нашему мнению, для объяснения этих закономерностей и обоснования эффективных государственных политик (дифференцированных по типам поселений) поддержки сохранения и развития малых и средних городов России необходимо дополнить анализ объективных данных о социально-экономическом развитии городов и факторах, способствующих этому развитию, также анализом особенностей ценностных установок и субъективных оценок здоровья и благополучия жителей

«малых» городов, их отличий от аналогичных установок и оценок жителей «больших» городов.

Жители «малых» городов в целом отличаются от жителей «больших» городов не только по уровню доходов, но и по ряду ценностей, мнений и оценок. Однако для разработки эффективных мер экономической политики в отношении «малых» городов недостаточно ориентироваться только на средние оценки. Из приведенного выше анализа видно, что субъективные оценки и суждения существенно различаются по федеральным округам, а большая вариативность объективных показателей указывает на наличие городов различных типов и специализаций — со своими ценностями и особенностями менталитета населения. Действенные меры государственной поддержки «малых» городов, учитывающие предпочтения населения и субъективные оценки благополучия, позволят, наряду с активным вовлечением местного потенциала в развитие, повысить привлекательность «малых» городов и снизить зафиксированную в первой части исследования дивергенцию городов по показателю темпов роста населения в группах «больших» и «малых» городов.

Исследование показало меньшую долю государственных субвенций в бюджетах «малых» городов и более низкие оценки уровня счастья жителями этой группы городов. Именно жители «малых» городов в большей мере ждут от государства решения задач, связанных с обеспечением «всеобщего благосостояния». Очевидно, что эти оценки связаны с низкими собственными доходами бюджетов и недостаточным финансированием «малых» городов даже на осуществление базовых услуг, входящих в сферу ответственности муниципальных образований. Жители «малых» городов более привязаны к стране и в большей мере ориентированы на традиции, чем жители «больших» городов. Развитие «малых» городов, по-видимому, требует не только включения этих городов в зоны влияния «больших» городов и агломераций через развитие транспорта и инфраструктуры, но и активной культурной и социальной политики, способствующей большей самостоятельности, модернизации, развитию предпринимательства и инноваций, обогащению традиций и более полному использованию местного потенциала и ресурсов. Как отмечал Чарльз Лэндри, каждый город может стать креативным, и важную роль в этом играет культура как «система ценностей, образ жизни, источник вдохновения и форма творческого самовыражения, представляющая собой почву, на которой произрастает креативность» (Лэндри, 2006). Стратегия достижения успеха зависит от сочетания объективных и субъективных факторов. Не только ресурсы, но ценности и мировоззрение жителей, способность лидеров, формирующих местную политику, уловить «дух времени» (zeitgeist по Гегелю) играют в этом процессе ведущую роль (Storper, Kemeny, Makarem, Osman, 2015). С этой точки зрения каждый город уникален, и стратегия успешного развития каждого города также уникальна.

Сочетание объективных и субъективных факторов развития в каждом случае – предмет детальных полевых исследований. Результаты нашей работы только выявляют некоторые общие закономерности и тенденции, которые необходимо учитывать при обсуждении мер государственной политики поддержки развития малых городов. Сохранение малых городов и включение их в глобальные процессы развития требует тонкой настройки мер государственной политики – чтобы усилия местных властей и активных горожан подкреплялись мерами государственной поддержки, способствующими реализации эффективных городских стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.** (2013). Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 15–26.
- Коломак Е.А.** (2015). Ресурс урбанизации в России // *Пространственная экономика*. № 4. С. 59–74.
- Коломак Е.А.** (2016). Городская система России // *Регион: экономика и социология*. № 1. С. 233–248.
- Лэндри Ч.** (2006). Креативный город. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика – XXI».
- Региональная экономика и пространственное развитие (2017). Т. 1. «Учебник для бакалавриата и магистратуры» Л.Э. Лимонов (общ. ред.). М.: Юрайт.
- Angrist J.D.** (2015). *Mastering metrics: The path from cause to effect*. Princeton: Princeton University Press.
- Breinlich H., Ottaviano G.I.P., Temple J.** (2014). Regional growth and regional decline. *Handbook of economic growth*. Vol. 2, Chapter 4. Amsterdam: Elsevier. P. 683–779.
- ESS Round 4 (2008). European social survey round 4 data. Data file edition 4.5. Norwegian Centre for Research Data. Data archive and distributor of ESS data for ESS ERIC. doi:10.21338/NSD-ESS4-2008.
- ESS Round 8 (2016). European social survey round 8 data. Data file edition 2.1. Norwegian Centre for Research Data, data archive and distributor of ESS data for ESS ERIC. doi:10.21338/NSD-ESS8-2016.
- Friedmann J.** (1966). *Regional development policy: A case study of Venezuela*. Cambridge: MIT Press.
- Fujita M., Thisse J.-F.** (2002). *Economics of agglomeration*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Glaeser E., Sheinkman J., Shleifer A.** (1995). Economic growth in a cross-section of cities. NBER Working Papers 5013, National Bureau of Economic Research, Inc.
- Head K., Mayer T.** (2004). The empirics of agglomeration and trade. *The handbook of regional and urban economics*. Vol. 4. P. 2609–2669.
- Ivanova V.** (2015). How space channels wage convergence: The case of Russian cities. National Research University Higher School of Economics research paper series. No. WP BRP 120/EC/2015.

- Kinossian N.** (2018). Planning strategies and practices in non-core regions: A critical response // *European Planning Studies*. Vol. 26(2). P. 365–375. doi: 10.1080/09654313.2017.1361606.
- Krugman P.** (1991). Increasing returns and economic geography // *Journal of Political Economy*. Vol. 99(3). P.483–499.
- Schwartz S.H.** (1992). Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. In: M. Zanna (ed.) “*Advances in experimental social psychology*”. Vol. 25. P. 1–65. New York: Academic Press.
- Schwartz S.H.** (1994). Are there universal aspects in the content and structure of values? // *Journal of Social Issues*. Vol. 50. P. 19–45.
- Schwartz S.H.** (2003). Basic human values: Their content and structure across countries. In: A. Tamayo, J. Porto (eds). “*Valores e trabalho*” [Values and work]. Brasilia: Editora Universidade de Brasilia.
- Storper M.** (2013). Keys to the city. How economics, institutions, and politics shape development. Princeton: Princeton University Press.
- Storper M., Kemeny T., Makarem N.P., Osman T.** (2015). The rise and fall of urban economies: Lessons from San Francisco and Los Angeles. Stanford: Stanford University Press.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2018). World Urbanization Prospects: The 2018 Revision, Online Edition. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://population.un.org/wup/>.

Поступила в редакцию 19.03.2019

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Angrist J.D.** (2015). Mastering metrics: The path from cause to effect. Princeton: Princeton University Press.
- Breinlich H., Ottaviano G.I.P., Temple J.** (2014). Regional growth and regional decline. Handbook of economic growth. Vol. 2, Chapter 4. Amsterdam: Elsevier, 683–779.
- Friedmann J.** (1966). Regional development policy: A case study of Venezuela. Cambridge: MIT Press.
- Fujita M., Thisse J.-F.** (2002). Economics of agglomeration. Cambridge: Cambridge University Press.
- Glaeser E., Sheinkman J., Shleifer A.** (1995). Economic growth in a cross-section of cities. NBER Working Papers 5013. National Bureau of Economic Research, Inc.
- Head K., Mayer T.** (2004). The Empirics of agglomeration and trade. The handbook of regional and urban economics, 4, 2609–2669.
- Ivanova V.** (2015). How space channels wage convergence: The case of Russian cities. National Research University Higher School of Economics research paper series. No. WP BRP 120/EC/2015.
- Kinossian N.** (2018). Planning strategies and practices in non-core regions: A critical response. *European Planning Studies*, 26(2), 365–375. doi: 10.1080/09654313.2017.1361606.

- Kolomak E.A.** (2015). Urbanization resource in Russia. *Spatial Economics*, 4, 59–74 (in Russian).
- Kolomak E.A.** (2016). Russian urban system. *Region: Economics and Sociology*, 1, 233–248 (in Russian).
- Krugman P.** (1991). Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*, 99(3), 483–499.
- Landry Ch.** (2006). *Kreativniy gorod*. [The Creative City]. Translated from English. (Originally published in 2000). Moscow: Izdatelskiy dom “Klassika – XXI”.
- Regional economics and spatial development (2017). Vol. 1. “Uchebnyk dlya bakalavriata i magistratury” L.E. Limonov (ed.). Moscow: Jurait (in Russian).
- Schwartz S.H.** (1992). Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. In: M. Zanna (ed.) *Advances in experimental social psychology*, 25, 1–65. New York: Academic Press.
- Schwartz S.H.** (1994). Are there universal aspects in the content and structure of values? *Journal of Social Issues*, 50, 19–45.
- Schwartz S.H.** (2003). Basic human values: Their content and structure across countries. In: A. Tamayo, Porto J. (eds). *Valores e trabalho*. [Values and work]. Brasilia: Editora Universidade de Brasilia.
- Storper M.** (2013). *Keys to the city*. How economics, institutions, and politics shape development. Princeton: Princeton University Press.
- Storper M., Kemeny T., Makarem N.P., Osman T.** (2015). *The rise and fall of urban economies: Lessons from San Francisco and Los Angeles*. Stanford: Stanford University Press.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2018). *World Urbanization Prospects: The 2018 Revision*. Available at: <https://population.un.org/wup/>.
- Zubarevich N.V., Saphonov S.G.** (2013). Inequality of socio-economic development of regions and cities of Russia in the 2000s: Increase or decrease? *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 15–26 (in Russian).

Received 19.03.2019

L.E. Limonov

National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg Campus), International Centre for Social and Economic Research “Leontief Centre” (NGO ICSEER “Leontief Centre”), Saint Petersburg, Russia

M.V. Nesena

National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg Campus), International Centre for Social and Economic Research “Leontief Centre” (NGO ICSEER “Leontief Centre”), Saint Petersburg, Russia

Disparity of “large” and “small” cities of Russia: A comparative analysis of indicators of economic development and social survey data

Abstract. In the study, the population of the Russian cities is conditionally divided by population size into two samples: “large” and “small” cities, and a comparative analysis of these groups is carried out. The main hypothesis of the study is associated with the intuitive assumption that disparity appears not only in objective indicators of socio-economic development, but also in subjective assessments of social conditions by residents of these groups of cities. “Compensation” of this disparity requires not only an effective local strategies in “small” cities, but also effective public policy measures, the rationale of which should be based on the provisions of economic theory and on the results of empirical research. The initial data of the study were the data of the statistical portal “Multi-Stat” and the data of the 4th and 8th rounds of the European Social Survey (ESS4 and ESS8) for Russia. Analysis of the polls revealed the differences and regional variations of subjective evaluations and human value orientations of the population, as well as statistically significant differences in the attitudes of residents of “small” and “large” cities to the role of the state in solving problems of social inequality and social protection. The population of “small” cities in Russia more actively supports the concept of the “welfare state”.

Keywords: *cities, city size, urban growth, subjective well-being, subjective health, welfare.*

JEL Classification: R11, I31.

DOI: 10.31737/2221-2264-2019-44-4-6